Жизнь и смерть наместника Ритхана

Автор:
Екатерина Бакулина

Жизнь и смерть наместника Ритхана

Екатерина Бакулина

Тайре он не понравился сразу – циничный и злой, пятый наместник в Ритхане за последние два года. Все они прокляты, так что Тайра просто решила подождать, скоро и он умрет тоже. Но первое впечатление обманчиво, стоит лишь узнать человека поближе. Тайра Орах глава гильдии прядильщиц, ее семья всегда занимала в городе высокое положение. В ее крови древняя магия. Она знает истоки проклятия, у нее есть шанс что-то изменить. Теперь жизнь и смерть наместника в ее руках.

Екатерина Бакулина

Жизнь и смерть наместника Ритхана

Глава 1. О новом наместнике

Он был таким же, как и все прочие до него. Имперский кроваво-красный мундир с золочеными эполетами, сверкающими пуговицами, имперский герб с орлом… резкий окрик у ворот. «Открывай!»

Тайра посмотрела на него, поцокала языком. Злой.

Злых людей она не любила, а злых имперцев – тем более. Ничего, этот не задержится долго, здесь никто из них долго не задерживается. А потом пришлют нового. И будут присылать, пока не надоест.

Он был старше двух первых, но моложе Боргена, который оказался умнее всех и продержался почти полгода. Но этот… вряд ли. Солдафон. Из тех, кого не жалко пустить в расход.

Пятый наместник в Ритхане за последние два года.

Но ведь не придерешься.

Один умер от горячки. Попал под ливень в горах, промок, и вот так все плачевно закончилось.

Один сломал хребет, упав с лошади. Прямо на городской улице, на глазах у всех. Лошадь поскользнулась на каких-то помоях, упала и придавила его собой. Он кричал и плакал, захлебываясь кровью, звал на помощь, пока еще мог звать… но кости раздробило так сильно, что помочь уже не смогли.

Один отравился пирогом с олениной. Оленина была несвежая, а у наместника – слабый желудок, он промучился неделю, но так и помер в дерьме и судорогах. Страшная смерть.

А Боргена пырнули ножом в подворотне. Ограбили, раздели и бросили в канаву. Никакие защитные амулеты ему не помогли.

Интересно, что у нового наместника амулетов не было, даже несмотря на то, что о проклятье говорили теперь почти открыто.

Тайра наблюдала, как он въехал во двор, спрыгнул с лошади, небрежно кинув поводья подбежавшему слуге. Быстрым взглядом окинул дом, словно был здесь уже много раз, без любопытства. Направился к лестнице. Широким быстрым шагом, но заметно, что левое колено немного болит, хоть наместник и пытается не обращать внимание. Сильный. Руки крепкие. Правая бровь рассечена шрамом. Седые виски.

И по лестнице наверх.

Тайра стояла у дверей, ей хотелось посмотреть на нового наместника вблизи.

Лестница высокая, по лестнице он поднялся тоже почти бегом, через две ступеньки, чуть заметно морщась, наступая на левую ногу. Привычно морщась. Резкая складка на переносице, серые глаза.

– Пусть приготовят воды и ужин, – бросил ей, по-хозяйски.

Уже почти открыл дверь, чтобы войти в дом.

– Я не экономка, – сказала Тайра.

– Без разницы, – бросил он. – Передайте.

Он не понял.

– Меня зовут Тайра Орах, я глава гильдии прядильщиц, – улыбнулась снисходительно, видя мгновенное замешательство. – В отсутствии наместника я вела все дела в городе.

Он нахмурился, складка на переносице стала еще резче. А глаза у него очень внимательные, живые. Лет, наверно, около сорока… Примерно как Тайре, или немногим больше.

Он шагнул назад на ступеньку. Оглядел Тайру с ног до головы.

– Моран Эйден. Наместник императора.

Холодно, но без враждебности, просто констатация.

– Рада знакомству, – сказала Тайра. Не слишком искренне вышло.

– Да? Вряд ли рады. Вы не ужинали? – спросил он. – Если нет, окажите любезность, поужинайте со мной, заодно и дела обсудим. Полагаю, нам есть что

обсудить.

– Благодарю, – Тайра склонила голову. Обсудить, действительно, есть что. Значит, этот предпочитает не терять время.

– Вы живете здесь, в доме? – спросил он.

– Нет, у меня свой дом неподалеку. Здесь я работаю.

– Прядете? – сарказм в голосе, впрочем, он и сам понимал, что сарказм неуместный.

– Пряду, – сухо согласилась Тайра.

Он поджал губы.

– Простите.

Открыл дверь.

В доме его уже встречали.

– Подождите! Можно задать вам один вопрос? – остановила Тайра.

Он смерил ее взглядом.

– Только если по существу.

– Зачем вы приехали сюда?

– Зачем? По приказу императора.

Солдафон, да. Приказы не обсуждают, даже если это приказ – убивать невинных детей.

Спокойно…

– Но вы же знаете, что четверо наместников тут умерло до вас? – сказала Тайра.

Его лицо закаменело.

– Да. Знаю.

– И не боитесь?

– Знаете что… – и голос тоже закаменел, растерял все остатки эмоций, и так скудные. – Сейчас с дороги я хочу отлить и умыться. А потом, за ужином, буду готов выслушать все нелестное, что вы думаете обо мне.

Отмахнулся. Ему не интересно. И он не принимает Тайру всерьез. Вообще угрозу, кажется, всерьез не принимает.

Никаких амулетов, никакой защиты, вблизи это очевидно. Интересно, он не верит или на что-то надеется?

И долго ли продержится вообще?

Тайра дала бы месяца два. Вряд ли больше. Три – если очень повезет. Он крепкий. Упрямый – сразу видно. Такие умеют долго обходить случайную смерть.

Сейчас конец лета. Когда он умрет, скорее всего, будет осень, дожди, дороги развезет, особенно через Хойнов хребет. Нового пришлют не раньше зимы.

* * *

К ужину он избавился от парадного мундира и блестящего золота, переодевшись в гражданский темно-серый камзол, все равно сидевший на нем по-военному. Строго, даже грубовато, пожалуй. Застегнутый наглухо… И стал выглядеть старше.

А Борген предпочитал кружевные манжеты и шелковые банты. Борген, пожалуй, был даже милым человеком, мягким, надеялся что-то изменить. Тайре его немного жаль. Кто знает, у Боргена могло бы даже получиться…

А этот…

– Господин Эйден, – Тайра поднялась, отложила яблоко, только что разрезанное пополам. – Вы очень быстро переоделись. Ужин сейчас подадут.

– Садитесь, – разрешил он, словно ей нужно было его разрешение.

– Благодарю, – она улыбнулась.

И эта улыбка не ускользнула от него.

– Вы чувствуете себя здесь как дома?

– Это и есть мой дом, – пожала плечами она.

– Вы из семьи Маэйра.

Отчасти. Но ему, вероятно, не стоит знать. Хотя это не было похоже на вопрос.

– Нет, – сказала Тайра. – Я родилась в маленькой деревушке в горах. Но в этом доме провела больше времени, чем все имперские наместники вместе взятые.

Эйден кивнул, прежде чем сесть, взял графинчик, налил в два бокала вино, но пить сразу не стал. Взял пирожок из миски.

– И собираетесь пережить еще, как минимум, десяток? – спросил с легкой иронией, но без злобы. Скорее усталость в голосе.

– Возможно, – сказала Тайра.

Он откусил пирожок. Голодный, между прочим. Старается жевать аккуратно и не спеша, но то, что голодный – видно все равно. Тайра все видит. Вероятно, наместник весь день в дороге, с утра не ел. Хотел успеть до темноты.

Он чуть откинулся на спинку стула.

– Что ж… Меня послали сюда, в том числе, расследовать обстоятельства смерти Ноэля Боргена. А так же его предшественников.

Тайра взяла бокал, отпила немного вина. Это местное вино – легкое и терпкое, наполненное солнцем и ароматом луговых трав.

– Ноэля Боргена, как и его предшественников, убило проклятье хойне, живших здесь.

– Торжество справедливости? – сказал наместник, тоже взял бокал, осторожно понюхал.

– Это хорошее вино, – сказала Тайра, глядя на него. – Оно не отравлено, не бойтесь.

– Хорошее? – наместник покрутил бокал в руке. – Может быть. Я просто никогда не понимал этого. По мне, так самое правильное – это дешевое крепкое пойло, вроде форского рома, быстрее можно напиться.

– А если не напиваться?

– А если не напиваться, то нужно пить воду. И черный кофе, помогает думать, – сказал он, немного поджал губы, глядя на бокал. Качнул в руке еще раз. Потом взял и выпил все залпом, поставил бокал на стол. – Боргена убило не проклятье, а люди, насколько мне известно. Ножом. Пять ударов в живот. Он умер бы от потери крови, но его бросили в канаву и он захлебнулся. Полные легкие воды. Я видел отчет.

Наместник смотрел на нее пристально.

– Вы хотите наказать виновных? – спросила Тайра.

– Да, – сказал он. – Я здесь ради справедливости. Вот только у хойне своя справедливость, у нас своя.

– Справедливость одна для всех, – сказала Тайра. Сама поморщилась.

Она не любила таких разговоров, за высокими идеалами – низменные цели прятать проще всего. В горах за Ирай Тохом залежи золота, даже в реках намыть можно, а уж если немного копнуть в нужном месте…

Справедливость тут не причем.

Борген любил говорить о справедливости. Он признавал все злодеяния Империи и пытался, как мог, загладить это. Сожалел, извинялся, словно в этом была его личная вина. Старался сделать для Тоха и Ритхана в целом все, что в его силах. Раздавал хлеб бедным, открыл школу, начал строительство моста через Лис, починил дороги в городе, обустроил здание больницы, даже на личные деньги, ему не выделили… вот только с врачами не вышло. Имперские врачи не хотели ехать сюда, а от своих – мало толка.

Даже преступников он старался не наказывать без острой нужды, считая, что милосердие со стороны властей – очень ценно сейчас. Милосердие – вообще ценно.

Старался доказать, что Империя может нести не только смерть, но и благо. Цивилизацию, стабильность, процветания и порядок. Что все могут жить в мире.

– Вы слышали о том, что было в Алокасте? – вдруг сказал наместник.

Тайру передернуло. Слышала. Достаточно, чтобы понимать. И то, что люди пытаются сравнивать… это пугало.

Когда-то цветущий город, а теперь мертвая пустыня на много миль вокруг.

– Да, – сказала она. – Я понимаю, о чем вы. Но здесь такого не будет.

– Неужели? – удивился он. – Я хочу увидеть черный круг. Вы покажете мне? Или, если боитесь, просто объясните, как ехать.

Ему так не терпится умереть?

Принесли ужин. Рагу с бараниной и фасолью, тушеные баклажаны с чесноком, свежая зелень…

Аппетит у наместника был отличный, никаким разговорами о проклятьях такой не перебить. Он ел быстро и словно не чувствуя вкуса, просто чтобы наесться. Вилку с ножом немного странно держал, чуть неуклюже, неловко, но… Тайра пыталась понять, что-то зацепило ее. Вначале показалось – это от того, что он из простых работяг, достиг многого, но к таким тонкостям не привык. Ладони у него крупные, грубоватая, немного обветренная кожа, длинные тонкие пальцы… только узловатые странно… местами слегка вывернутые. Одни пальцы не сгибаются до конца, другие до конца не разгибаются, но наместник давно приспособился к такому положению, даже перестал замечать, все его движения привычны. Пальцы были сломаны, причем еще в молодости, не все верно срослось.

Он поймал ее пристальный взгляд, сам чуть поднял бровь, вопросительно.

Тайра вздрогнула.

– Простите, я задумалась, – сказала неуверенно, отщипнула немного зелени. – Зачем вам черный круг?

Он понимающе хмыкнул. Отложил столовые приборы, убрав руки под стол.

– Зафиксировать изменение радиуса. Я знаю, что расширение происходит волнами, одни события провоцируют расширение, другие наоборот – помогают немного сжаться. Молодой круг еще способен сжиматься, он подвижен, а старый, как в Алокасте, уже не реагирует на внешние факторы, питая сам себя. О сроке давности образования колец можно судить по степени распада органики.

Тайра моргнула. Потом еще раз. Как-то все то, о чем говорил наместник, не вязалось с его внешностью и его манерами. Его взгляд не вязался…

– Кто вы такой? – спросила она.

Он мотнул головой.

– Никто, – сказал, глядя ей в глаза, и в глазах легкая усмешка. – Я не маг, не ученый… нет. Мне просто объяснили, что нужно сделать, куда смотреть. Какие изменения зафиксировать. Какие отчеты составить. Но сам я не понимаю в этом ничего. Мои отчеты будут разбирать люди знающие.

– Почему же эти люди не приехали сюда сами?

Он усмехнулся уже отчетливо, теперь не только глазами, весело, но кривовато. Немного отчаянно. Словно висельник перед казнью.

Словно наивность Тайры его забавляла.

Потому что Тайра понимала и сама

– Потому что маги хотят жить. Потому что хорошие маги у нас все наперечет. А таких, как я – сотни.

– Вас не жалко?

Он кивнул. Очень спокойно. Так и есть, глупо спорить.

– А вы… вы какой-нибудь каторжник? Преступник? Вас заставили ехать?

– Заставили принять на себя власть в целой провинции? Каторжника? – он удивился, улыбнулся широко. – Нет. У меня свои мотивы, госпожа Орах. И пусть они пока останутся моими. Вы объясните мне, как добраться до круга? Или мне поискать другого проводника.

– Никто не поедет с вами.

– А вы?

– Откуда вы знаете, что круг есть?

– Из отчетов Боргена, – сказал спокойно, взяв кусок хлеба, макая в остатки рагу в миске. – Он был там, оставил записи. Если потребуется, я попытаюсь найти сам.

Равнодушно, по-деловому.

Все это так странно… Еще ни разу они не начинали с круга. С приемов, в честь вступления в должность, с деловых встреч, иногда с разбора бумаг… И Тайра не могла сказать – к добру это или к беде.

– Когда вы хотите ехать? – спросила она.

Он налил себе вина.

– Хочу – завтра утром. Послезавтра – самое позднее.

– Вы так торопитесь?

– Думаете, у меня много времени в запасе? Сколько бы вы мне дали?

Он смотрел ей в глаза. Без тени страха. Без тени сомнения.

– Два месяца, – сказала Тайра.

Он сглотнул, кадык дернулся. Его, все же, проняло.

Отхлебнул вина, рука чуть дрогнула

– Я так и думал… примерно так, – но голос не дрогнул. – Тогда тем более не стоит тянуть.

Глава 2. О том, как сложно отказаться от поездки в горы

– Доброе утро, госпожа Орах!

Тайра пришла к восьми утра, как и договаривались, ей велели подождать в гостиной. Она ожидала, что наместник сейчас спустится, но он, как ни странно, появился с улицы.

Одетый для поездки, чисто выбритый, но не сказать, что особенно свежий и бодрый.

– Доброе утро, господин Эйден. Я думала, вы еще спите.

– Я был в полицейском участке, – сказал он, так, словно нормально ходить в участок в такую рань. – Встречался с комиссаром Гаэйра, объяснил ему, какие сведения мне потребуются в ближайшее время.

– Бедный Родрик! Вы вытащили его из постели?

– Полагаю, удовольствия это ему не доставило, – сказал наместник, – но выбора у него не было. Мне нужна вся информация. Полагаю, и вам тоже есть, что рассказать.

Тайра напряглась. Она понимала, что вопросы к ней будут, но к открытым допросам готова не была. Отвыкла. Борген всегда был крайне деликатен.

– Все, что я могу рассказать, уже есть в отчетах, – сказала Тайра. – Если вы читали, то ничего нового не узнаете.

– Возможно, вы упустили мелочи, которые считали незначительными, – он тихо хмыкнул. – Или я упустил. В личной беседе все могло бы встать на свои места. Идемте. Лошадей нам уже оседлали.

Бесцеремонно. Отвечать на его вопросы весь день, без возможности закончить? Не сбегать же от него в горах, когда станет совсем невыносимо.

– Простите, господин Эйден, у меня очень кружится голова, должно быть, из-за погоды. Сегодня я не смогу поехать с вами. Если пожелаете, я объясню вам дорогу.

Он не удивился, только смерил ее долгим взглядом.

– Тем не менее, вы одеты для верховой езды, и ваша лошадь, как мне сказали, ждет во дворе. Я не вправе принуждать вас, госпожа Орах, но должен напомнить, вы подписывали соглашение о сотрудничестве с представителями императора.

– Я не отказываюсь от сотрудничества, ни в коем случае, – вежливо улыбнулась она. – Я готова поговорить с вами и рассказать все, что знаю, в рабочем кабинете или за чашечкой кофе, менее формально, как пожелаете. Но здоровье не позволяет мне сейчас ехать в горы, целый день в седле по такой жаре – весьма утомительно. Утром я еще думала, что голова скоро пройдет, но лучше не становится. Прошу простить меня.

– Конечно, госпожа Орах, – наместник кивнул. – Как добраться, в целом, мне рассказали. От вас я хотел бы услышать о безопасном радиусе контакта. Борген писал, что примерно с пяти шагов его амулеты вступают в контакт, но остаются пассивны, активируются на трех шагах. Полагаю, после смерти Боргена зона контакта увеличилась. Как вы думаете, насколько близко можно подойти сейчас?

Передернуло даже.

Это самоубийство. И он сам ясно понимает это.

То, что наместник собирается сделать, настолько противоречит здравому смыслу, что у Тайры тревожно заныло внутри.

– Лучше совсем не подходить, – сказала она честно.

Он усмехнулся.

– Боюсь, это невозможно.

– Вы хотите умереть?

– Напротив. Я спрашиваю вас, какое расстояние вы считаете безопасным, чтобы не подходить ближе и остаться в живых.

Он смотрел на нее. Прямо, спокойно. Без вызова, без ненависти, без заигрываний. Словно спрашивая о чем-то обыденном.

– Я не могу сказать наверняка, – сказала она. – Но если вы знали это, почему не взяли амулеты, которые могли бы вам подсказать? У вас нет денег на защиту?

Это глупо и нелогично. Императорская служба предоставила бы защиту наместнику, пусть минимальную. Но у него не было никакой.

– Деньги у меня есть, – сказал он. – Но амулеты от магии хойне меня не защитят. Не сработают.

– Почему? – Тайра не поняла. – Боргена защищали. Вы ведь малькасиец, как он и он…

Наместник улыбнулся немного снисходительно.

– Так и есть, – сказал он. – Но дело не в этом. Вы ведь тоже хойне, по крайней мере, отчасти. Посмотрите на меня и, вероятно, поймете сами.

Тайра не понимала. Не понимала даже, на что смотреть. Что не так?

Покачала головой.

– Хорошо, – сказал он. – Это не важно. Полагаю, семи шагов будет достаточно. Я вернусь к вечеру. Вам будет удобнее зайти ко мне для беседы, или мне зайти к вам?

Семь шагов…

– Я зайду, – сказала Тайра. Разглядывая его… Что не так?

– Тогда до вечера, госпожа Орах. И доброго дня.

Он повернулся, вышел во двор.

Это безумие!

* * *

– Две недели шли дожди! – Тайра догнала его во дворе, слегка запыхавшись, не очень понимая, зачем бежит следом и что ей надо. – На Красном перешейке могут быть оползни, вам стоит быть осторожным.

– Хорошо, благодарю за совет, – вежливо, но даже не обернулся.

– Я не знаю, сказали ли вам, – Тайра пыталась найти хоть что-то важное, – но сейчас лучше ехать не по Гэльскому ущелью, а вдоль Синего ручья…

– Да, мне сказали… – он вдруг сам остановился. – Подождите. Что это за ослы? А где моя лошадь?

Тайра невольно засмеялась.

– Это не ослы, это лошади, – сказала она. – Местная порода. Они, может быть, и не красавцы, но в горы лучше ехать на них. Там, где ваша, скорее всего, сломает ноги на камнях и крутом склоне, эти пройдут без усилий.

– Хм…

Наместник подошел к невысокой мохнатой лошадке, разглядывая, протянул руку, потрепал по загривку, лошадка покосилась с подозрением, но отворачиваться не стала.

– Ее зовут Лисичка, – зачем-то сказала Тайра, глядя, как наместник гладит лошадь, а та довольно прикрывает глаза. – Она очень привередлива, и редко

подпускает чужих. Для вас оседлали вон ту, вторую. Ее зовут Уголек. Она очень послушная и тихая, но только не выносит, если к ней подходят с плеткой. Если ударить, она сбросит и может укусить. Вы ведь не собирались…

– Нет, – наместник покачал головой. – У меня нет плетки. Уголек? Она Уголек? Хм… Но ведь ражая?

Подошел, погладил и Уголька тоже. И, к удивлению, вдруг достал из кармана яблоко, протянул. Уголек взяла, радостно пофыркивая, захрустела.

– Да, рыжая. Так вышло, – Тайра улыбнулась. – У нее черное пятнышко на носу, видите? Она хорошая, хоть и с характером…

Запнулась. Как-то все выходило не так.

– Что ж, характер – это действительно хорошо, – вздохнул наместник. – Сразу все расставляет по местам, без лишних иллюзий.

– Предпочитаете, чтобы все говорили сразу и прямо?

– Да, – согласился он. – Лучше сразу получить сковородкой в морду, чем спустя пять лет узнать, какой ты козел… – он чуть сморщился, вздохнул снова. – С лошадьми то же самое. Всегда важно понимать сразу, чего ждать. Ладно, не берите в голову…

Он уже сам жалел, что начал, просто так вышло – это отлично видно сто стороны. Не о лошадях, о женщинах. Или не только о женщинах, о людях в целом. У наместника что-то личное, совсем свежее, не дающее покоя…

Чуть-чуть неловко.

– Лисичка очень чувствительна к магии, – Тайра поспешила тему сменить, – не подойдет, если ей что-то не понравится. Уголек тоже, но она спокойнее, поэтому вы сами внимательнее смотрите. Если начнет дергать ушами, то… осторожнее.

– Хорошо, – согласился наместник с облегчением. Влез в седло… почти просто перекинул ногу через лошадь и сел. Да, у него ноги едва ли не по земле

волочатся, он высокий, а лошадка маленькая.

Тайра тяжело вздохнула.

Вот что она делает?

* * *

Они долго ехали молча через весь город, наместник чуть впереди, она за ним. Когда Тайра села верхом, Эйден ничего не сказал, словно все идет, как и должно, словно она и не отказывалась. Тайра тоже ничего не сказала. Но потом и разговоров не выходило.

О чем говорить?

Над горами собирались тучи, сначала едва заметно вдалеке, потом все больше. Не гроза, но дождь будет, скорее всего. Очень хотелось верить, что им повезет, и не накроет слишком сильно.

Если накроет, то возвращаться по Красному перешейку будет тяжело. Сказать об этом? Но ведь наместник все равно не передумает и не вернется.

Она смотрела ему в спину… у него спина широкая, крепкая шея, короткие волосы на затылке… старый шрам от затылка вниз… Эйден сидит свободно и прямо, в седле ему не привыкать, не подгоняет лошадь, но Уголек и так идет резво. Как бы там ни было, с лошадьми наместник ладит.

У него на боку револьвер – сюртук слегка оттопыривается, так характерно. Что ж, его можно понять, случиться может всякое. У него большая фляжка, из которой уже отхлебывал пару раз. Тайра думала сначала – вино или ром, может быть. Но потом увидела, как когда наместник откручивает крышку, над горлышком поднимается пар. Там что-то горячее. И если принюхаться – похоже на кофе. Большая фляжка кофе.

Интересно, много наместник спал сегодня? Встал точно рано.

Тайра смотрела на него и не могла понять – что же ее так задевает. Что в нем не так?

– Господин Эйден, – все же не выдержала она. – Вы сказали, что амулеты, защищающие от магии хойне, на вас не действуют. Почему?

Он обернулся, бросил быстрый короткий взгляд.

– Потому, что я уже проклят. Мне говорили, это заметно.

Если присмотреться… Что-то было на нем, очень старое и неактивное сейчас. Скорее следы воздействия, чем проклятие. Так бывает с людьми, которых лечили сильной магией… или не так? Для того, чтобы сказать наверняка, Тайре нужно увидеть ближе, она хорошо чувствует магию руками, но глазами, тем более издалека, воспринимает не слишком отчетливо. Она куда меньше хойне, чем это может показаться, ее дар не очень силен.

– Я думала, это последствия магического лечения, – сказала Тайра, догнала, поравнявшись с ним. – У вас повреждено колено и пальцы на руках, возможно, какие-то еще травмы, учитывая это…

Наместник хмыкнул.

– Последствия тоже, – сказал он. – Но дело не в этом. Я уже был проклят, очень давно. И, чтобы проклятие не убило меня, поверх было наложено другое заклятие, которое защищает. Любые амулеты прежде всего глушат верхнее, так что пользы никакой. Амулет сам убьет меня в первую очередь.

– Защита хойне от проклятия хойне? – не поверила Тайра. – Как же так вышло?

– В детстве, – сказал он. – У меня была нянька из хойне, она меня очень любила и спасла мне жизнь.

– В детстве? И за что же вас прокляли? Вы неосторожно распечатали какой-то артефакт?

– Не я, мой отец, – сказал он, вышло чуть-чуть резко, хоть и старался говорить равнодушно. – На самом деле, я даже не знаю точно, как это вышло. Но проклятие досталось уже всей семье. Меня успела спасти нянька, так что мне, наверно, повезло.

– Наверно?

Он усмехнулся, дернул плечом.

– Сложный вопрос.

Равнодушно не выходило. Наместник точно не хотел говорить на эту тему. Вопрос цены? Дорого заплатить пришлось? Что ж, у Тайры тоже есть темы, на которые она не хотела говорить. И все же, Тайра чувствовала, что ключ к пониманию где-то близко.

– А кто ваш отец? – спросила она.

Наместник смотрел на нее, долго хмурясь, словно раздумывая, стоит ли отвечать. И отвернулся снова. Совсем отвернулся, глядя куда-то в поля. Какое-то время молчал… может, просто тянул время.

– Он был инженером, – сказал наконец, очень спокойно и ровно. – Проектировал защитный контур в Алокасте. Не магом, только техником. Но так вышло.

Алокаста…

– Его убило проклятие?

Это очевидно.

– Да, его убило проклятие, – согласился наместник.

Личные счеты – вот что это. То, почему Эйден здесь – это дело принципа, теперь Тайра отлично видела, даже не понимая пока всех мотивов. Но это для него важнее собственной жизни. Не по приказу, не за деньги. Глубоко личное.

Проклятие на всю семью, и он сам был ребенком. Надо полагать, единственный, кто выжил.

– Простите, – тихо сказала Тайра, вдруг стало неловко. Наверно, не стоило спрашивать.

– Ничего, – сказал Эйден. – Вероятно, вам стоило это знать. Я здесь, чтобы не допустить второй Алокасты в Ритхане.

Тайра вздрогнула, до озноба пробрало. Нет… Она только слышала, могла представить, что было там, но даже этого хватало, чтобы ужаснуться. Хотелось сказать, что здесь такого никогда не будет, здесь все иначе, в Алокасте была настоящая война, а здесь так, по мелочи. Но сам черный круг говорил об обратном. Такое возможно.

– И как вы хотите этого не допустить?

Черный круг – это воплощенная ненависть. Борген пытался бороться с ненавистью при помощи любви, старался сделать столько хорошего, сколько мог. За те шесть месяцев, что он был здесь, границы черного круга сжались, хоть и не слишком сильно, но Борген был на правильном пути. Ему почти удалось.

Не похоже, чтобы новый наместник собирался последовать его примеру.

– Для начала, нужно понять, кому выгодно расширение круга, – сказал Эйден. – Боргена убило не проклятие, его убили люди, которых не устраивало то, что он делает. Важно понять почему. И тогда, вероятно, мы сможем остановить.

– Думаете, если покарать виноватых, ненависти станет меньше?

Наместник усмехнулся с легким сарказмом в ответ. Да, казни не избавят от ненависти.

– Все немного сложнее, госпожа Орах, – сказал он. – Первоначальный выброс – это чистые эмоции. Ярость, ненависть, страх. Учитывая то, что произошло здесь, выброс понятен. Возникновение черных кругов не редкость на старых землях

хойне. Но без подпитки круги выдыхаются. Иногда год, иногда десять, но выдыхаются все равно. Жизнь постепенно входит в привычное русло, старые обиды размываются, остается только выжженная земля, на которой еще долго ничего не растет. Без активных эманаций. В Алокасте круг подпитывала война, поэтому он рос. Но здесь не было войны, был бунт, вооруженное столкновение. Все очень быстро. Все участники мертвы, причем, мертвы с обеих сторон. Персонификация невозможна, остались только косвенные виновники. Некого ненавидеть. Конкретно – некого. Перманентная неприязнь ко всем малькасийцам не способна убивать. Причинять неудобства – способна, но не убивать. А значит, круг должен был уменьшаться. Но он растет, согласно отчетам. Это значит, круг питает что-то еще. Не эмоции, а сознательный расчет. Кто-то подпитывает круг намеренно.

– Но это невозможно.

Кто будет в здравом уме? Это слишком опасно. Невозможно…

– Я не прошу вас верить, – сказал наместник. – Прошу только не мешать мне искать правду. И оказать посильную помощь.

Оказать посильную помощь – обычно значит, что требуется заложить всех своих. Предать. Не всю правду Тайра готова рассказать, потому что правду можно использовать по-разному. Интересы империи и интересы Ритхана сходятся далеко не во всем. Тайра согласилась на сотрудничество только потому, что не хотела, чтобы снова пролилась кровь. Но если сотрудничество будет означать, что кто-то снова должен пострадать – Тайра откажется.

Нет никакой гарантии, что всю информацию наместник использует во благо. И нет причин ему доверять.

Та ненависть до сих пор живет и в ней самой.

Глава 3. О черном круге и темной магии

Дождь начал накрапывать еще до того, как они добрались до места. Не сильно, но противно, сырость лезла за воротник, заставляла ежиться. Волосы липли ко лбу.

Эйден наблюдал, как Тайра осторожно идет по траве. Прислушивается, почти принюхивается даже, стараясь уловить магию. Напряженно. Ей не нравится. Потому что магия есть.

– Туда не стоит ходить в дождь, – сказала она. – Вода хороший проводник, безопасные границы размывает.

– Но для вас это не опасно, госпожа Орах?

– Для меня нет.

– Тогда идемте. У меня нет времени ждать.

Ей все это не нравится определенно.

Лошадей они оставили у дороги, а сами пошли.

Лошади волновались. Начали дергать ушами, фыркать, еще за пару миль. Идти пока не отказывались, но все это не нравилось и им тоже. Это значит – зона контакта куда шире любого количества шагов. И дело даже не в дожде. Либо Борген неправильно оценил угрозу, либо с тех пор что-то изменилось.

Еще на дороге Эйден почувствовал, как начинает чесаться кожа. Пока не сильно, но отчетливо. Значит, его уже задело, это первый признак, с ним такое не в первый раз.

По-хорошему идти дальше не стоило. Но тогда не стоило и начинать. Глупо приехать сюда и повернуть обратно.

Спокойно, не дергаться. Вон туда, по тропинке.

Там, где сейчас круг – раньше была небольшая деревня, жили пастухи, рядом на склонах паслись козы… Сейчас не осталось ничего, только остовы домов

вдалеке.

Как только поднялись по склону, и круг оказался в пределах видимости, Тайра остановила.

– Хватит, – сказала она. – Дальше опасно.

Опасно уже давно, но она права, раньше Эйден бы ее не послушал.

Тайра смотрела на него строго и осуждающе, как на человека, который добровольно лезет в пасть к дракону. Чуть снисходительно, как на идиота. Возможно, так и есть.

На ней широкополая шляпа, надетая от дождя, надвинутая на самые брови. Брови светлые, тонкие, жесткая черточка между ними появляется, когда госпожа Орах осуждает особенно выразительно. Зеленые глаза. Плотно сжатые губы.

– Здесь не стоит задерживаться, господин Эйден.

Тайра точно привыкла, что ее слушают. Прислушиваются, по крайней мере.

– Не дольше, чем это необходимо, – Эйден улыбнулся.

Только шея начинает чесаться и руки на сгибе локтя. Спокойно… Главное – не начать чесать.

Он здесь – чтобы увидеть.

А круг вырисовывался не так отчетливо, как надеялся Эйден.

Но если присмотреться, то можно понять. Далеко внутри лишь черная пыль, от органики ничего не осталось, это совсем старое. Границы не очень четкие, по краю серовато-бурая земля, сквозь которую неуверенно пробиваются ростки травы. Значит, круг был шире и был откат назад, раз земля успела немного отойти. Скорее всего, еще по весне. Борген очень старался. А вот потом накрыло по второму разу, расширяя круг, видно два кольца, где остатки травы еще

заметны, но уже почернели. И интересно, что не в один заход, а в два. Одно расширение, вероятно, сразу после смерти, второе – совсем недавно, стебельки почти целые, только выцветшие, потемневшие. Меньше недели?

– А что такого случилось здесь около недели назад, что могло вызвать вспышку ненависти? – спросил Эйден.

Тайра искренне удивилась. Возмутилась даже.

– Ничего. С чего вы взяли?

– А вы посмотрите на кольца, – сказал Эйден. – Последнее расширение совсем свежее и резкое, дюймов двадцать зараз. Что-то произошло.

Тайра нахмурилась еще больше, присмотрелась. Даже шагнула чуть ближе, разглядывая. Очевидно, оценила тоже.

– Ничего не случилось, все спокойно, – сказала она, чуть растеряно и чуть раздраженно. – Вы мне не верите?

– Ничего? Вы уверены? А люди не пропадали?

– Люди? На что вы намекаете, господин Эйден? – и все же, она начинает понимать.

– Разве я намекаю? – сказал Эйден. – Я задал простой и прямой вопрос.

Тайра мотнула головой.

– Не знаю, – сказала она. – Я ничего не слышала о пропавших. Но ведь могут быть те, кого не хватятся, или хватятся не слишком быстро.

Она понимала. И понимала, очевидно, больше, чем готова была рассказать. Еще чуть ближе шагнула к кругу, разглядывая кольца. Для хойне это ведь не опасно?

– Могут, – согласился Эйден. – Нищие, бродяги, или пастухи с дальних пастбищ, просто люди из мелких деревень, о которых в городе все равно не узнают. Вы же знаете, почему я спрашиваю?

Тайра напряженно кивнула, словно прислушиваясь к чему-то, насторожено.

– И все же, я думаю, есть другое объяснение, господин Эйден, – сказала она, немного резко.

– Какое?

– Не знаю. Но есть.

У нее крылья носа дрогнули.

– Возможно, – сказал Эйден. – Думаю, нам стоит пройти по периметру, вдруг найдется что-то интересное.

Она поджала губы еще сильнее, еще решительнее.

– Нет. Хватит, вам пора уходить. Завтра я отправлю сюда людей, которым можно доверять, из местных, кому это не причинит вреда. А вам уже пора. Тем более в дождь.

Она нервничала. И этому может быть два объяснения. Первое – она что-то скрывает, вернее даже – покрывает кого-то. Второе…

– Боитесь, я увижу что-то лишнее, – спросил он.

– Что вы рассчитываете увидеть, господин Эйден?

Она нервничала, и чем дальше, тем больше, злилась на него. Она и раньше-то смотрела с неприязнью, но теперь это росло на глазах. Стремительно росло.

Нехорошо.

Она смотрела на него… и шаг в сторону… еще шаг в сторону круга.

И это Эйдену уже не нравилось совсем. Он упустил момент, когда зацепило.

– Госпожа Орах, – Эйден старался говорить спокойно и мягко. – Хорошо, вы правы, давайте уедем.

– Что вы хотите увидеть? – ее точно зацепило, и она уже не может согласиться с ним. – Кости? Горы трупов? Что? Думаете, кто-то делает это специально? А если это делает кто-то из ваших? Чтобы был повод добить нас до конца?

Она отступает назад. От него – назад, ближе к краю.

– Госпожа Орах… Давайте уйдем?

– Зачем вы здесь? – с вызовом требует она. – Вы такой же, как и все прочие! Ирай Тох лишь дойная корова для вас! Вы готовы выжать все! Убить всех нас! Убить детей! Мой муж не хотел войны, а вы..!

– Госпожа Орах, успокойтесь пожалуйста. Стойте на месте.

Спокойно. Главное не дергаться самому. Эйден втянул воздух сквозь зубы, пытаясь сосредоточиться.

Выходит, для хойне круг тоже опасен. Сейчас круг почувствовал злость и ненависть в ней, задавленные, спящие, но не исчезнувшие совсем. Возможно, изначально, и ее злость и ненависть тоже, дар у нее есть… И потянул к себе. Круг питается ненавистью. Но если не помешать – он вытянет все досуха, все силы.

Тайра пятится, отступая ближе к черной границе, скорее всего, даже не осознавая это. Ее тянет. Уговаривать бессмысленно, сейчас разум не успеет, она не готова к такому, а пока поймет – будет поздно.

Но нужно быстро и резко, если она вырвется и побежит, он ее не догонит, не успеет, а если переступит границу, круг убьет его.

Что-то сказать ей? Или лучше помолчать? Времени размышлять нет, Тайра медленно пятится… еще на полшага. Она стоит спиной, так что быстро развернуться не успеет. У него есть небольшое преимущество.

Круг тянет ее.

В задницу все разговоры. Времени нет.

И Эйден срывается, бросается вперед, Тайра успевает дернуться, рвануться в сторону, но он успевает раньше. Или… не успевает? Все тело, от ноги, пронзает болью. Но Эйден все равно хватает Тайру, взваливает на плечо бежит назад. Стараясь не замечать, как темнеет в глазах. Он чуть не падает, и несколько мгновений даже не понимает, куда бежать. Потом чуть отпускает. Тайра дергается в его руках, вырывается. Но он держит крепко.

Тащит ее дальше, к дороге. Почти выходит. Но в какой-то момент колено предательски подгибается, и он падает на землю вместе с ней. Неважно… сейчас уже можно.

* * *

Тайра пыталась отдышаться и встать на ноги. Хоть немного понять, что произошло.

Воздуха не хватало.

Словно наваждение. Оно накатило… но сейчас отпускало помногу. Кружилась голова.

Эйден упал вместе с ней, придавил собой. Он тяжелый… больно. Но это помогло немного прийти в себя. Боль в ушибленной ноге помогла. Тайра кое-как выползла из-под него, отползла в сторону, пытаясь осознать.

Эйден устало перекатился на спину, тяжело дыша.

Что произошло?

Круг пытался затянуть ее? Она никогда не сталкивалась с таким. Но она бывала здесь всего дважды, и никогда с теми, к кому могла бы вспыхнуть ненависть. Да еще дождь… А Эйден… дело не в нем самом. Его, как человека, Тайре ненавидеть не за что, он ничего не сделал, но он императорский наместник, и это все меняет. Она даже сейчас не могла отделаться от того странного чувства… не ненависти уже, но скорее отвращения.

Несмотря на то, что он только что спас ей жизнь. Переступи она черту – что бы с ней было?

Отвращение – почему? Скорее всего, это даже не ее личное, это ненависть и отвращение черного круга.

Нужно взять себя в руки, посмотреть как он.

Тайра кое-как села.

– Господин Эйден! – тихо позвала она.

Он застонал, потом поднял руку, потер глаза.

Живой, по крайней мере.

– Господин Эйден, как вы?

Он открыл глаза, долго лежал так, глядя в небо, потом повернулся к ней.

– Уже лучше, – сказал хрипло. – Сейчас, полежу еще немного… А вы?

– Все хорошо.

Тайра попыталась встать, удалось со второго раза. Шатаясь, подошла ближе, села рядом. У Эйдена совсем белое лицо, а глаза красные. Капли пота на лбу.

– Вы ведь спасли мне жизнь, да? Я даже не поняла, как это вышло.

– Я тоже не очень понял. Выходит, круг опасен и для вас тоже.

– Я не знала…

– Я тоже не знал, – сказал он, зажмурился, выдохнул. Потом облизал губы. – Все хорошо, теперь будем знать.

Он попытался сесть, немного привстал, опираясь на локти. И видно, как слабость накатила снова, до испарины.

– Вы подошли слишком близко, – сказала Тайра. – Вы ведь не наступили?

Сердце болезненно сжалось. Так неправильно. Это из-за нее…

– Я под ноги не смотрел, – буркнул он. – Но раз жив, то, наверное, нет.

– Зачем вы это сделали? Побежали за мной?

– Зачем? – Эйден удивился. – А что мне было делать? Стоять и смотреть? Давайте, поедем уже отсюда.

Он попытался встать, но Тайра остановила.

– Подождите. Вы в любом случае подошли близко, что-то могло остаться на вас. Я посмотрю, сидите. Мне только нужен прямой контакт, так я лучше понимаю. Вы… сидите, не вставайте пока.

Тайра обошла его и сама села сзади, за спиной. Положила пальцы на шею у затылка. Он чуть ощутимо вздрогнул от прикосновения, у нее, должно быть, холодные руки. Ничего. Эйден сидел спокойно, не мешая ей, доверяя, чуть напряженно вытянувшись, выпрямив спину.

Учитывая ту магию, которая уже лежала на нем, возможно, доверял он зря, потому что не трогать это, не разбудить, было ужасно сложно. Особенно притом,

что близость круга и так почти разбудила спавшее проклятие. Но защита стоит хорошая… запечатанная кровью и последним вздохом. Тайра чуть не бросила все это, когда поняла. Кому-то пришлось умереть, чтобы спасти его. Он был ребенком, конечно, но… кто-то невиновный все равно умер. И это снова отзывалось отвращением в ней. Неосознанно… возможно, ненависть круга еще говорит…

Тайра не будет ни о чем спрашивать сейчас. Сосредоточится на важном.

Свежее проклятие действительно прилипло тонкими нитями, ошметками, которые сейчас почти незаметны, но они начинают прорастать. Нужно вырвать. От прикосновения они вспыхивают, обжигая руки. Эйден вытягивается еще больше, задержав дыхание, шея напрягается под пальцами. Ему больно.

– Потерпите, – говорит Тайра. – И постарайтесь не двигаться.

– Да, – он чуть заметно кивает. Собирается с силами.

Когда Тайра тянет, отрывая, чувствует, как у него от напряжения дрожат плечи. Ничего, он выдержит… куда ему деваться.

Совсем рядом – тонкий шрам на затылке, так и тянет дотронуться. Хочется спросить – откуда это, но сейчас не стоит, не ее дело вообще. Зачем?

Не стоило вообще сюда ехать. Тайра ведь говорила, что опасно, а он не слушал!

И вот опять раздражение поднимается с новой силой. Хочется его убить… Нет, не убить, конечно, но сделать больно точно хочется. Поэтому Тайра тянет свежее проклятие грубо, не церемонясь. Ничего, она спасает ему жизнь, и этого достаточно. Она не обязана быть деликатной. Снимает черные ошметки с одной стороны, с другой… что-то прилипло сильно и рвется, приходится лезть глубоко. Эйден часто-часто дышит, но не дергается… строит тут из себя…

Тайра закусила губу, чтобы не злиться слишком сильно, отвлечься, сосредоточиться на важном. Еще немного.

– Все, – сказала она, наконец. – Все, что видела, я вытащила. Наверно, завтра стоит посмотреть еще, на свежую голову. Пока проклятие не разрослось, его можно убрать.

Шея у него горячая и мокрая от пота… или это от дождя? Нет, дождь едва-едва моросит…

– Спасибо, – сказал Эйден. – Не хотелось бы умереть в первый день. Это как-то слишком глупо.

– А нечего было сюда лезть! – фыркнула она, вышло довольно зло.

Он ухмыльнулся в ответ. Глубокий вдох, выдох, потом попытался встать, вышло не очень удачно. Зашипел сквозь зубы. Колено у него… Большинство проклятий в первую очередь вытаскивают наружу старые травмы и болезни, резко обостряется все. Так что наместнику придется нелегко, старых травм у него хватает.

Эйден встал на колени, на четвереньки, только потом кое-как поднялся. Тайра наблюдала за ним, не очень понимая, сочувствует, или наоборот.

– Не стоило приезжать, – сказала она упрямо.

– Да нет, как раз, думаю, стоило, – сказал Эйден. – По крайней мере, для меня это кое-что прояснило.

– И чуть не убило.

– Да, – согласился он. – Наверно, мне стоило ехать одному.

Так он считает, это из-за нее? Она виновата?

Тайра вдохнула поглубже. Надо уезжать, а то она действительно будет готова кого-нибудь убить.

Глава 4. О неудобных разговорах и ветчине

Они ехали вниз, к городу, и раздражение постепенно уходило. Тайра чувствовала, как становилось легче дышать.

Наваждение, да. Черный круг питается ненавистью, вытягивает ее из самых глубин. Но это значит еще и то, что ненависть в Тайре до сих пор сильна. Тайра думала, что успела смириться, некого так ненавидеть, но, выходит – есть.

Слишком мало времени прошло.

Слишком тяжело.

Они ехали, Тайра снова смотрела наместнику в спину. Он сидел, чуть ссутулившись, глядя перед собой. Удивительно, она думала, он будет всю дорогу донимать ее вопросами, но он почти ничего не спросил. Больше молчал. Дождь начал моросить с новой силой. Наместника чуть заметно покачивало, но после всего, что с ними было – это понятно. Ему нужно поспать, сил не осталось, манипуляции с магией всегда отнимают силы.

И только потом Тайра поняла…

– Господин Эйден, – окликнула она.

Он повернулся, немного, вполоборота.

– М-м?

– Вы спасли мне жизнь, а я… даже не поблагодарила. Простите.

– Ничего, – сказал он, почти безразлично. – Вы тоже мне помогли. Сняли все, что на меня налипло.

– Мне не пришлось бы снимать, если бы вам не пришлось бегать за мной к самому кругу.

– Вас не пришлось бы спасать, если бы я не стал брать вас с собой. Забудьте. Вы мне ничего не должны. Хотите ветчины?

– Что? – такого перехода Тайра не ожидала, даже не сразу поверила.

– Ветчины, – сказал он, словно ничего и не было. – У меня есть мясо с собой, хлеб, сыр, немного зелени и яблоки. Хотите?

А Тайра ничего не взяла. Вероятно от того, что не очень-то хотела ехать, не подумала. Искала причины остаться. Но время давно перевалило за полдень, а она только позавтракала кофе с булочкой, совсем рано. Еще часа три, и они будут дома, можно и потерпеть. Но вдруг поняла, что действительно страшно голодна.

Эйден придержал лошадь, почти остановился, давая возможность Тайре подъехать ближе.

– А у вас хватит на двоих? – спросила она.

Он улыбнулся, как-то очень легко.

– Конечно. Давайте вон там, под деревом, там будет посуше.

Он снял плащ и постелил на траву. Тайра попыталась было возразить, не холодно ли ему будет без плаща, но Эйден только отмахнулся, сейчас пока лето, а сидеть на мокром ему в любом случае не хочется.

Ладно, пусть так.

Он достал сумку, достал все, что было… разложил. Вытащил нож, порезать все это. Сделал все сам. Два больших бутерброда – хлеб, зелень, сыр и сверху ветчина. Один протянул Тайре.

– Держите, – мягко улыбнулся. – Потом сделаю еще, если захотите.

– Спасибо, – она взяла из его рук.

– Что-то не так? – спросил он. – Если зелень не любите, я уберу.

Так просто, естественно.

– Да нет, – Тайра покачала головой. – Все отлично. Я просто… Не знаю, в чем дело. Я сейчас странно на вас смотрю, да? Наверно от того, что если нет слуг, то накрыть на стол и все приготовить обычно поручают женщине.

Глупо. Это ведь его ветчина, и он ее режет, сколько сочтет нужным.

Эйден улыбнулся шире, но почти сразу, словно опомнившись, нахмурился.

– Наверно так есть, – сказал он. – Но я привык сам.

И больше ничего.

Ему ведь лет сорок, наверно, или около того. Вдруг захотелось спросить – есть ли у него семья? У Боргена была жена и взрослые дети, которые остались в Малькассе, не поехали сюда. Отчего бы и нет.

Зачем это Тайре?

Любопытство. Если в детстве проклятие упало на всю семью, и проклятие не сняли, только заглушили на нем, как могли, то потом, вероятно, проклятие могло бы достать и его жену. Убить. Он должен понимать, что семью заводить опасно. Это страшно на самом деле. Понимать, что ты должен оставаться один.

Спросить прямо будет не слишком правильно.

И разговоры не клеятся все равно.

Впрочем, они и не должны разговаривать. Они здесь для дела, и дело сделано, остальное не важно.

Когда Эйден взялся резать хлеб снова, еще по одному куску, Тайра заметила, как у него пальцы дрогнули, он чуть не выронил нож, но все же дорезал,

положил, и только потом немного тряхнул рукой.

– Пальцы свело, – сказал он, поймав ее взгляд. – Такое иногда бывает. Ничего.

– Старые травмы обостряются, под воздействием магии, – сказала Тайра. – Через пару дней это должно пройти.

– Да, я знаю.

И все же, она не могла удержаться.

– У вас пальцы были сломаны, да? – спросила она.

– Да, – он сухо кивнул.

Отчего-то казалось – это важно.

– А что случилось? – спросила Тайра.

Наместник глянул на нее с неприязнью.

– Вам это действительно нужно это знать?

Что-то стояло за всем этим.

– Да, – сказала Тайра. – Думаю да. Вы отличаетесь от предыдущих наместников, я пока не могу сказать, чем именно, но хочу понять. И хочу понять, что вы за человек, чего от вас ждать. Нам ведь теперь работать вместе.

– Вы же сами знаете, что работать придется не слишком долго, – у него вышло немного язвительно.

– По крайней мере, месяца два, я думаю, вы протянете. Не так уж и мало.

Тайра пожала плечами, улыбнулась ему в лицо.

Резко и, наверно, неправильно, но с такими, как он – иначе нельзя. Нужно прямо. Сковородкой в лоб. Только так можно убедить рассказать что-то. Жалеть его, сожалеть – точно не стоит.

Эйден усмехнулся и беззвучно выругался, только губы шевельнулись, но и так понятно. Что-то очень нелестное о Тайре. Но без злобы. Долго смотрел на нее.

– Только попав в военное училище после приюта, я много дрался с другими воспитанниками. И пальцы, и колено, и шрам на затылке – все оттуда.

Да, все так… очень похоже на правду. Но с пальцами – что-то другое.

– Пальцы лечили магией.

– Да, пальцы лечили магией, – согласился он. – Но сути это не меняет.

– Это ведь очень дорого. «После приюта» – значит, семьи у вас не осталось. Кто же сделал это для вас тогда?

– Вы не до конца понимаете, госпожа Орах. У меня остались родственники, но они предпочли держаться от меня подальше, и я отлично их понимаю. Но дом моего отца все еще принадлежит мне, и сбережения отца перешли тоже, хоть и значительная часть пошла на погашение счетов и долгов. Я остался сиротой, но не нищим. А мага нанял отец того парня, который мне пальцы ломал. Чтобы дело замяли и не портили хорошему мальчику карьеру.

Тайра кивнула. Да, она понимает. Про карьеру особенно – кому нужны неприятности, если можно откупиться.

– И все же, что вы не поделили?

– А это не ваше дело, госпожа Орах, – сказал наместник таким тоном, что сразу ясно – дальнейший разговор невозможен. Принялся собирать остатки обеда в сумку.

* * *

Потом они ехали молча.

Тайра наблюдала за ним, все еще пытаясь понять, что же не так. Новый наместник отличался от всех предыдущих… но чем именно, Тайра сказать не могла. Он совершено точно не походил на Боргена, слишком принципиальный и резкий. Но и на других не походил тоже. Пятый наместник, все они разные, но…

Дело в том, что для Эйдена это дело почти личное?

Почему его отправили сюда? Нет, почему поехал он сам – Тайра понимала, у него были причины. Но почему император одобрил это? Больше некого, остальные боятся умереть? Или в нем есть что-то такое, чего нет в других? Упрямство. Он докопается до правды, чем бы ему это ни грозило. А докопавшись…

Что будет, если он узнает все?

Если доживет.

Даже Тайра всего не знает. Хотя была так близко… Каро всегда оберегал ее от темных дел семьи, и сейчас… Ей ведь все равно придется столкнуться. Больше оберегать некому, никого не осталось. Она тоже причастна.

Но она так надеялась все забыть и жить дальше. Хоть немного забыть.

Не выйдет.

Тайра ждала допросов, но Эйден всю дорогу думал только о чем-то своем.

Тайра уже подумала, что сегодня никаких разговоров не будет, они оставят это, по крайней мере, до завтра, сегодня с них хватит черного круга.

Но тут чуть в стороне, на холме старый каменный дом. Эйден тоже заметил его. И Тайра поняла, что вот – сейчас.

– Это ведь дом Маэйра? – спросил наместник.

Да.

Праздный вопрос на первый взгляд, любопытство, дом отчетливо выделяется своими высокими шпилями, его нельзя не заметить. Но в праздное любопытство этого человека Тайра больше не верила.

– Был когда-то, – сказала она. – Маэйра больше не осталось. Сейчас этот дом принадлежит лорду Мально Кастадо.

– Лорду! – Эйден фыркнул. – До Резни, насколько я знаю, он был торговцем шерстью, а не лордом. Нужно наведаться к нему. Вы не составите мне компанию?

Тайре это не нравилось. Эйден совершенно точно знал больше, чем говорил, и его мотивы понять можно… Он будет копать, пока не докопается до истины, хвататься за любую возможность. Но только Тайра не очень хочет в этом участвовать.

А еще, «Резней» это называли только местные. Малькасийцы предпочитали называть это «бунтом хойне» или «Соломенной ночью», тогда сгорели все принадлежащие малькасийцам дома в городе, включая государственные постройки.

– Я? Зачем мне ехать туда?

– Вы хорошо знаете дом, – пожал плечами Эйден. – Полагаю, и лорда Кастадо знаете неплохо.

Это не нравилось определенно. Если он хочет копать – пусть копает, Тайра тут не причем.

– Что вы знаете обо мне? – сказала она.

– Ничего особенного, мне доступны только официальные открытые сведения, то, что и так известно всем. Ваш покойный муж был внуком Шиммура Маэйра, последнего настоящего айни-ункара хойне. Полагаю, вы не раз были в этом доме.

Говорить об этом определенно не хотелось. О Шиммуре…и тем более о Каро… это до сих пор причиняло боль. Тайра и не думала, что это заденет так сильно.

– Шиммур Маэйра умер больше десяти лет назад, задолго до… тех событий. И с его смерти я почти не бывала здесь.

– Ваш муж не слишком-то ладил с родней?

– Какое вам дело? – резко спросила Тайра. Сейчас страшно жалела, что поехала, что поддалась на все это, но теперь сбегать было слишком глупо, некуда, они и так возвращаются домой, а подобных вопросов не избежать.

– Полагаю, ваши семейные отношения имеют значение для всего Ритхана, – сказал Эйден. – Для Ирай Тоха точно имеют, так что мне придется разобраться.

– Не лезьте в это!

Вышло грубо, эмоционально, но иначе Тайра не могла.

– Я здесь именно за этим, – сказал наместник очень спокойно и равнодушно. – Чтобы лезть. И времени у меня немного. Нимаш Маэйра, дядя вашего мужа, насколько мне известно, был настроен очень радикально, высказывался не только за независимость Ритхана, но и за изгнание всех малькасийцев с этой земли. А ваш муж…

– Не смейте говорить о моем муже!

Тайра даже сама не могла понять, что так сильно ее в этом пугает. Два года назад все закончилось. Она осталась одна… После Резни ее допрашивали не раз, все что могли – вытащили наружу, даже то, о чем сама Тайра не могла знать. И повторить все это она была не готова.

– А ваш муж выступал за мягкие реформы, – закончил Эйден. – Он полагал, что все мы можем жить в мире.

– В мире! Вы знаете, что с ним сделали?! – хотелось схватить наместника и тряхнуть посильнее, а лучше врезать в морду. О каком мире можно говорить?

– Его пытали, – сказал Эйден холодно. – Очень жестко пытали, насколько мне известно. Хотели получить всю информацию о заговорщиках. Но он молчал. Когда поняли, что он ничего не скажет, то переломали ему все кости и привязали к столбу на площади. Официальный отчет говорит, что он умер через сутки, его сняли. Сплетни говорят о неделе. Но срок, полагаю, не важен.

Ее муж, ее сыновья… мальчики считали себя взрослыми, не хотели оставаться в стороне.

Тайра поняла, что губы дрожат, и дрожит подбородок. Слезы подступают к глазам, она сейчас расплачется. Но плакать нельзя. Не перед ним – уж точно. Тайра должна быть сильной.

– Я вас ненавижу, – только сказала она.

– Ненавидите меня за то, что наместник Реттрей сделал с вашим мужем два года назад?

Вот так, из его уст, это звучало не слишком разумно. По-идиотски. Но это так.

– Да, – сказала Тайра.

И не только за это.

– Понимаю, – сказал Эйден, устало вздохнул. – Ненависть помогает держаться, помогает сохранить силы, чтобы не упасть и идти дальше. Но это путь в никуда. Ненависть сжигает душу.

Дико слышать такое от него, особенно потому, что вовсе не лицемерие, наместник говорит искренне. Правду Тайра всегда чувствовала хорошо. Но…

– Вы считаете, я должна простить? – это казалось почти насмешкой. Издевкой. Такое не прощают.

– Кого простить? – спросил он. – Насколько мне известно, Реттрею выкололи глаза, отрезали уши и язык и повесили там же. В качестве мести. Он давно мертв.

– Мертвым прощение не нужно?

– Нет, – спокойно сказал он. – Прощение нужно живым. Даже не прощение. Нужно найти новые цели и жить дальше.

– Вы что, проповедовать сюда приехали?! – это раздражало невыносимо. – Вы ничего не знаете об этом!

Наместник повернулся к ней.

– Если понадобится.

Да. Понадобится проповедь – будет проповедь.

Глава 5. О незваных гостях и родственных связях

– Ти, ты разве не впустишь меня? – он стоял на пороге.

Тайра не впустила бы, если б могла. Но это не вопрос, не просьба, он войдет все равно.

– Заходи, Мэт.

– Ты мне не рада? – он самодовольно ухмыльнулся. – Мне казалось, у нас с тобой общие интересы.

– Чего ты хочешь?

– А ты не допускаешь, что я мог просто заглянуть по-родственному, на чашечку чая?

Тиммет прошел в дом, в гостиную, плюхнулся на диван.

– Не допускаю, – сказала Тайра.

– Когда ты злишься, ты особенно хороша! – Тиммет заулыбался шире. – Сразу видно этот огонь в тебе! Горячая штучка. А знаешь, я все еще не теряю надежды.

Он развалился на диване, откинувшись назад, разглядывая Тайру, словно раздевая взглядом.

Сукин сын!

– Каро был твоим братом. Как ты можешь?

– Да брось, Ти. Ты никогда не любила его. Ну… может только в самом начале, но последние годы – точно нет. К чему это лицемерие? К чему раньше времени зарывать себя в могилу?

– Чего ты хочешь?

– А чая не будет?

Тайра сжала зубы, кивнула выглянувшему к ним дворецкому – пусть принесут.

– Так чего ты хочешь? – села в кресло напротив.

– Как тебе новый наместник? – спросил Тиммет.

Тайра и не сомневалась, что он пришел за этим.

– Солдафон, – сказала холодно. – Упрямый и резкий. Потащил меня к черному кругу, ему, очевидно, так и не терпится умереть.

– И как, нашел там что-то интересное?

Тиммет даже чуть вперед подался. Немного, но Тайра уловила это. Ему очень важно знать, что нашел наместник, но он старательно делает вид, что все это сейчас – просто болтовня. И еще – Тиммет чем-то взволнован.

«А что такого случилось здесь около недели назад, что могло вызвать вспышку ненависти»?

Что если Тиммет знает ответ?

Проблема в том, что ни одному их них Тайра не готова доверять.

– А разве можно что-то найти? – спросила Тайра. – Там ничего нет, только черная трава.

– И что же наместник? Посмотрел на черную траву, помолчал и уехал? Ничего не сказал?

– К чему ты клонишь, Мэт?

– Мне просто интересно, – Тиммет небрежно дернул плечом. Слишком небрежно, чтобы это выглядело естественным, может быть, для кого-то другого, но не для Тайры.

И Тайре ведь нечего скрывать?

– Он показал мне, что круг раньше был больше, но потом уменьшился, вероятно, при Боргене, тот очень старался. А потом начал расти опять. Не знаю, что это значит. Мы не успели обсудить, как меня начало затягивать в круг. Это было так странно… Я не собиралась приближаться, но ноги сами несли.

– Хм-м… – теперь Тиммет подался вперед уже совершенно отчетливо, не скрываясь, его заинтересовало. – В тебе до сих пор осталось столько ненависти? Или… что это? Твоя магия тянула тебя?

– Ты что-то знаешь об этом? – сказала Тайра.

Он покачал головой.

– Я что-то слышал о таком, что круг притягивает… но никогда не сталкивался. Правда. Не особенно-то верил. Выходит, ты ненавидишь империю сильнее всех? – он ухмыльнулся, почти с подвохом, и все же, что-то его беспокоило.

– Мне не стоило подходить так близко. Я думала, что для меня круг не опасен, если не переходить границ.

– Но ты же не перешла?

– Наместник успел оттащить меня в сторону, – сказала Тайра.

– Так он спас тебя? – у Тиммета вышло язвительно и зло.

– Не должен был?

– Ти… – он потер переносицу. – Я, безусловно, рад, что все закончилось хорошо. И, пожалуй, мне есть за что господина наместника благодарить. Но все это выглядит подозрительно, ты не находишь?

Находит.

Принесли чай. Тиммет взял чашечку, покрутил в руках, отпил немного.

– А именно кажется подозрительным тебе? – спросила Тайра.

Он хмыкнул.

– Наш наместник в первый же день спас тебя. Такой герой! Жизнью, небось, рисковал? Может быть, он знал заранее и позвал тебя туда именно за этим? Произвести впечатление. И потом ты будешь на все готова для него?

А вот сейчас кажется подозрительным еще больше. Только совсем не то, о чем говорит Тиммет.

– Признаться, я не думала о том, какой он герой, пока ты не сказал. Да, он рисковал… Но он просто стоял рядом, а когда я дернулась к кругу, то схватил

меня и потащил назад.

– Он даже успел тебя на руках поносить? – глаза Тиммета сверкнули.

– Ты ревнуешь?

Тиммет страшный собственник, хотя на Тайру у него никогда не было никаких прав, и Тайра никогда не давала ему повода на что-то рассчитывать. Но это никогда не мешало Тиммету считать ее своей, желать смерти каждому, кто подойдет близко. Младший брат ее покойного мужа… Долгое время он жил в Молхе, неподалеку отсюда, мало общался с семьей, но десять лет назад приехал и сходу положил на Тайру глаз.

– Ревную, – согласился Тиммет.

Вот только дело сейчас не в этом.

– И что не так? – спросила Тайра.

У Тиммета ноздри дрогнули. Он взял из вазочки имбирное печенье, принялся жевать, кажется, только для того, чтобы потянуть время. Ему что-то в этом не нравилось, но раскрывать карты он не хотел.

– Мэт? – Тайра ждала объяснений.

Тиммет скривился.

– Ты знаешь, что этот Мораг Эйден едва ли не лучший дознаватель империи? Он не наместник, его прислали сюда не управлять Ритханом, не вести дела города… Он ищейка. Его прислали, чтобы он сунул нос везде, где только может сунуть.

Да, очень похоже, это Тайра уже поняла.

– Тебе есть, что скрывать? – спросила она.

Тиммет зло скривился.

– Не будь дурой! Нам всем есть, что скрывать. Хочешь сказать, ты непричастна? Ты ничего не сделала? Не смеши меня! А сколько у нас еще осталось потомков хойне, обладающих хоть каким-то даром? Пусть не чистокровных, но хоть каким-то… Он напишет доносы на всех, и на тебя тоже. И всех повесят. Проклятие хойне умрет вместе с самими хойне, никого не останется. Ты же помнишь, как все было, Ти? Или ты думаешь, он влюбится в тебя и пожалеет? Насколько я знаю, он не жалеет никого.

Честно говоря, вот тут не по себе стало.

Да, Тайре есть, что скрывать. Та ненависть черного круга – она и ее ненависть тоже. Неосознанно, но так вышло. У нее были все основания ненавидеть. Но ведь это ничего не меняет.

Очень может статься, что либо наместник, либо она.

Глава 6. О хойне и рудниках

Эйден просидел с отчетами до полуночи. В участке. Отдавать бумаги наместнику с собой комиссар категорически не хотел, да Эйден и не очень настаивал, он привык работать в любой обстановке. А старый городской дом Маэйра все равно не был его домом, что здесь, что там…

Городская ратуша сгорела два года назад. Согласно бумагам – выгорела до основания, но проезжая мимо, Эйден видел вполне восстановленное здание. Свежая краска, новые ставни, наново перекрытая крыша, но стены старые, крепкие… Потом нашел, что дом после пожара выкупил за бесценок некий Олисаро, из местных землевладельцев. Вероятно, дела у этого Олисаро шли неплохо, потому что восстановить такое по карману не каждому, дешевле снести и возвести новое. Очевидно, были свои мотивы. Или сгорело не так уж сильно.

Два года назад тут горело многое. Удобно, следов уже не найти.

Но Эйден искал даже не старые следы, ему интереснее было, что происходило потом.

С одной стороны, казалось, что ничего не происходило, все спокойно. Да, наместники умирали с завидным постоянством, но жизнь в городе шла своим чередом. Простых людей проклятие не трогало.

Магия хойне, это магия жизни, по большей части. Но у жизни всегда есть оборотная сторона.

С хойне вообще все не просто. Не все хойне наделены даром… вернее, не все наделены даром в достаточной степени, чтобы дар проявился. Часто это лишь искра, едва тлеющая. Древняя кровь слишком размылась, хойне стали слишком людьми, чистокровных совсем нет. Говорят, древние горные чистокровные хойне были настоящими рогатыми и косматыми чудовищами, которые по своему желанию могут оборачиваться людьми. Но уже у полукровок оставалось только одно человеческое обличие, дальше и вовсе кровь терялась. Раньше хойне жили по всему Арваронскому хребту и дальше к Желтым горам. А еще были степные и лесные хойне… но от тех сейчас даже живой крови не осталось, только предания.

Магия хойне – дикая, без заклинаний, обрядов и начертанных рун. Лишь усилие воли.

Именно поэтому с хойне было столько проблем. Если искра крупная, а держать ее в узде молодой хойне не умеет, то можно ненароком вызвать бурю. Взрослые, как правило, учатся управлять своими эмоциями и своим даром. Но даже у взрослых и опытных выходит не всегда. Именно потому, что слабая кровь. В обычной жизни дар не заметен, кажется не нужно учиться, все равно толку не будет, силы нет, опасности никакой. Но иногда прорывается.

В критический момент даже слабая искра может вспыхнуть ярко.

Ненависть хойне – убивает, пробивая любые щиты имперских магов. Надежной защиты от направленного проклятия нет, можно лишь укрыться и обойти.

Империя всегда видела в хойне опасность – их дар невозможно контролировать. Никогда не знаешь, где ударит в следующий момент. Поэтому уже много веков

предпринимались усилия, чтобы разбавить кровь хойне человеческой, размыть, чтобы дар затерялся. Пытались провернуть это мирно, разными способами. Но столкновения все равно были.

Открытая война с хойне всегда выходила боком.

Война в Алокасте выжгла город и окрестности на много миль. Не в сражении, не боевая ярость, а горе жен и матерей, потерявших близких. Поэтому ударило не сразу, а с отсрочкой, по нарастающей. И справиться с этим оказалось невозможно.

Здесь все было иначе. Мелкий локальный конфликт, и даже не между империей и хойне, а между отдельными людьми и наместником. Конфликтом с империей он стал потом. Вопрос денег.

Рудник в Ршорхе, за Ирай Тохом, который долгие годы приносил хорошую прибыль в имперскую казну, начал истощаться. Подняли материалы – когда-то здесь были и другие рудники, чуть дальше. По документам, рудники полностью выработанные, но стоило документы поднять и отправить проверки, как завертелось.

После этого во внезапно вспыхнувшее народное недовольство порядками империи верилось с трудом, хотя поставлено все было гладко и складно.

Началось все с неурожайного лета.

Нет, лето было обычным, но как-то не задалось. Пшеница посохла или пошла гнилью на корню, виноград не вызрел, с овощами тоже что-то пошло не так. А к осени случился еще и падеж овец. Все разом.

Нужно было платить налог Малькассе, а платить было нечем, самим не хватало. А на уступки никто идти не собирался. Наместник Айкор Реттрей приложил все усилия, чтобы стрясти с Ритхана все, что полагается по закону. Возможно, и сверх того. Возможно, предполагал, что дело не чисто, и не хотел спускать с рук. А может, просто был сукиным сыном и идиотом. Сейчас уже не узнать.

Но бунт вспыхнул.

Погибло много людей, причем с обеих сторон. Многое изменилось.

Древний род Маэйра угас, прямых потомков не осталось, большая часть имущества была продана и перешла другим людям, вроде того же Кастадо. Империи – почти ничего, городской дом и кое-что по мелочи. Но ведь прибыль приносит не дом, а земли, виноградники, пашни, стада овец особой местной породы с тонкой шелковистой шерстью. Такая шерсть на вес золото.

Про рудники все тихо забыли, больше никаких упоминаний. Только где-то вскользь, что рудники действительно иссякли, больше тут делать нечего.

И все вроде бы хорошо, кроме наместников. Но этим летом снова неурожай.

По бумагам.

Вот только по дороге сюда Эйден видел совсем другое. Он останавливался в полях, смотрел – отличный год, всего вдоволь.

И все же, перед ним сейчас на столе лежало несколько начатых дел и несколько принятых заявлений, что местные отчаявшиеся фермеры грабят чужие поля, забирая последнее, грабят городские амбары, каждый раз слезно объясняя тем, что семьям нечего есть. Все эти дела пойдут в официальные отчеты для Малькассы – люди голодают, и от голода готовы на многое.

Борген смотрел на это сквозь пальцы. Но у Боргена была своя стратегия, в чем-то очень успешная. Свои мотивы и убеждения. Он надеялся сломать это изнутри, но сил ему не хватило.

По отчетам, Боргена убили уличные карманники, польстившись на кошелек. Его попытались ограбить, он попытался сопротивляться, и пырнули ножом. Убийцу не нашли. Да разве найдешь, когда свидетелей нет? А теперь уж и вовсе – почти месяц прошел. Концы в воду.

И это притом, что хоть кражи в Ирай Тохе не редкость, но убийств почти нет. Здесь спокойно. Боргену просто не повезло. Проклятие так сработало, трагическая случайность, несмотря на все амулеты.

Совершенно случайно пять раз ударили ножом, а потом бросили в канаву.

Может и так, конечно, всякое бывает… помутнение рассудка у обычного воришки? Но верилось с трудом.

Эйден просмотрел дела всех карманников, которые были задержаны в последнее время, отобрал для себя троих, с которыми хотел бы поговорить лично.

В целом, в городе на удивление тихо. Возможно, здесь так всегда – все свои, друг друга знают, простая размеренная жизнь. За последние две недели – никаких пропавших, никаких убийств, никаких серьезных происшествий, кроме краж зерна и небольшого пожара на одном их складов. Но и пожар потушили, никто серьезно не пострадал.

Вот только отчеты отчетами, а расширение круга говорит само за себя. С пастухами поговорить? Отправить людей во все окрестные деревеньки? Поспрашивать по кабакам – вдруг кто расскажет что интересное.

Работы предстояло много, и концов пока нет.

Глава 7. О том, как опасно идти в бар после работы

– Местного темного, что там у вас… – с кабаками Эйден решил не тянуть, один был совсем рядом с участком, на той стороне площади. Как не зайти.

Пока шел – показалось, тень скользнула за ним. Кто-то следил… Может быть, один из тех карманников, которые готовы зарезать за кошелек. А может, у Эйдена паранойя, и это просто случайный прохожий, спешащий домой в поздний час.

Ему бы тоже пора, день был тяжелый, а завтра не лучше.

– Тоханский портер, господин. Желаете что-то еще?

– Только портер, несите.

Хотелось даже не сесть, а прилечь, голова гудела. Это все магия. И та, что была в круге, и та, с помощью которой Тайра тянула из него нити прицепившегося проклятия. А может и не тянула, кто знает, на самом деле, что она делала с ним. У Тайры Орах свои интересы и свои причины ненавидеть, ее можно понять.

Но Эйден решил, что будет доверять ей. Просто потому, что хоть кому-то нужно доверять, а Борген отзывался о ней с большим уважением. Борген далеко не дурак. Ненависть госпожи Орах – это боль и эмоции, а не холодный расчет.

Сейчас нужно понять, с какой стороны подступиться к делу.

И действительно немного выпить перед сном, а то и без того бессонница мучила, а теперь и совсем не уснуть.

– Господин наместник? – его окликнули откуда-то из угла.

Это интересно.

Эйден обернулся.

Высокий худощавый мужчина, резкие черты лица, тонкие пальцы, синий сюртук с серебряными пуговицами. Интересно, он уже сидел в баре, когда пришел Эйден или появился позже? Эйден готов был поклясться, что еще недавно тут этого мужчины не было. Впрочем, может быть, сидел где-то в углу или выходил по нужде…

– С кем имею честь? – поинтересовался Эйден.

– Тэм Харо, – тот подошел ближе, ухмыльнулся чуть кривовато, протянул руку, пальцы у него были холодные и гладкие, но рукопожатие крепким. – Я занимаюсь строительством в городе. В частности, вместе с господином Боргеном мы строили больницу, он всей душой болел за благополучие Ритхана. Чудесный был человек!

Глаза у этого Харо холодные, трезвые, цепкий взгляд.

Присматривается к новому начальству?

– Я не знал его лично, – сказал Эйден. – Но собираюсь найти тех, кто его убил.

– Верите, что это возможно? Что ж, удачи вам, – Харо довольно фамильярно хлопнул Эйдена по плечу. Впрочем, в баре это уместно.

Эйдену принесли портер. У Харо тоже оказалась в руках полная кружка светлого, они выпили за успех. Вернее, Харо отпил пару крошечных глотков, чуть-чуть пены осталось в уголке губ.

Эйден не стал мелочиться, осушив больше чем наполовину.

– Жаль, с больницей до конца не успели, – вздохнул Харо.

Жаль? Денег решил просить вот так сходу?

– Я слышал, все построено, остались мелочи.

– Не такие уж и мелочи! – Харо снова тяжко вздохнул. – Возвели стены, поставили окна, воду провели – это уже очень много, не могу не признать. Но внутреннюю отделку не закончили, оборудование не все заказали. А без господина Боргена это будет не так-то легко, имперские чиновники не желают выделять казенных средств для простых людей.

Точно денег.

– Борген строил на свои?

– Да, – Харо развел руками. – Редкой души был человек.

Справедливости ради, денег у Боргена действительно было столько, что на строительство больницы он мог дать не задумываясь.

Другой вопрос, что он вряд ли не позаботился о том, чтобы все счета были оплачены.

– А почему бы вам не обратиться к местным землевладельцам или прямо к лорду Кастадо, – предложил Эйден. – Полагаю, они могли бы выделить немного на благо Ритхана.

Харо чуть сощурился, уголок губ дернулся.

– Лорд Кастадо, – сказал он, – любезно согласился купить для больницы необходимые медикаменты и частично компенсировать жалование врачей, которые будут в больнице работать. Частично из казны города, у нас была договоренность. Но сначала нужно строительство закончить.

Удобно, что ни говори. Даст, но как-нибудь потом, еще неизвестно, откроют ли эту больницу.

– А вы, значит, надеетесь получить недостающие средства от меня?

– К кому обращаться еще, как ни к господину наместнику? – Харо широко улыбнулся. – Вдруг вы тоже захотите немного помочь нашему городу.

Все это понятно, с одной стороны…

– Хорошо, – сказал Эйден. – Приносите завтра мне все отчеты по строительству и смету. Посмотрим, что можно сделать.

– Отчетов у нас накопилась огромная папка. Что именно вам интересно?

– Мне интересно абсолютно все. Я старая бумажная крыса, люблю покопаться в отчетах. Так что несите все, что есть, если хотите денег. А я пока отправлю запрос управляющему Боргена, думаю, он оставлял распоряжение о полном финансировании строительства.

У Харо дернулась щека. Но в целом собой он владел неплохо, даже улыбаться не перестал.

– Все отчеты будут в вашем распоряжении в ближайшее время, – он отсалютовал кружкой и выпил. – Заранее благодарю за помощь, господин наместник.

– Заранее – не стоит.

Что ж, наверняка половину средств там разворовали, а теперь планировали стрясти и разворовать еще. Это понятно, так случается всегда, разница лишь в масштабах. Посмотрим, как дела обстоят в Ирай Тохе… если, конечно, отчеты ему принесут. Впрочем, и подделывать бумаги всегда умельцы были, поэтому отчеты самого Боргена тоже стоит проверить и сопоставить.

Но это все не о том…

– Господин Харо, – Эйден чуть откинулся назад, разглядывая собеседника, – я спрашивал комиссара Гаэйра, но он не слышал, может быть, вы сможете мне помочь? Мне говорили, у вас тут недавно пропало несколько пастухов. Такое часто случается?

Чистой воды блеф, но попробовать стоит.

Допил портер, махнул бармену, чтобы налили еще.

На лице Харо отразилось искреннее недоумение.

– Пастухи? – он тоже отпил глоточек из кружки. – Простите, господин наместник, но я ничего не знаю о пастухах.

Эйден и не сомневался в таком ответе. Но спрашивал не для этого.

Как раз еще кружку принесли.

– А вы, – Эйден, словно невзначай, повернулся к бармену, – ничего не слышали о пропавших пастухах?

А вот бармен владел собой не так хорошо, или просто не был готов. Легкий испуг мелькнул в глазах, и быстрый взгляд на Харо, словно спрашивая совета – как поступить. А вот это особенно интересно.

Значит, что-то было? Пропавшие.

Какую власть этот Харо имеет на самом деле?

А Харо улыбался, делая вид, что никаких взглядов не замечает.

– Я… ничего такого не слышал, – сказал бармен. И очень резво поспешил уйти, делая вид, что его позвали к другому концу стойки.

Интересно. Но больше ничего нового сегодня, вероятно, уже не узнать.

Что ж, хватит пока. Зацепки есть, план на ближайшие пару дней – тоже. Пора спать, а то голова трещит.

Эйден достал деньги, положил на стойку, допил пиво разом, не растягивая.

– Был рад знакомству, господин Харо, – сказал он. – Заходите, всегда найду время пообщаться с вами снова.

* * *

– Убийца! Будь ты проклят!

Эйден не сразу понял, кто это так орет и кому, потом увидел старуху. Оказалось, это его проклинают.

Невысокая, сгорбленная, в грязных лохмотьях, седые волосы топорщатся во все стороны. Старуха указывала узловатым пальцем на Эйдена и истошно завывала.

– Будь ты проклят! Имперский убийца! Будь проклят!

Было в этом что-то театральное, неестественное, но тем не менее…

Пройти мимо? Мало ли сумасшедших старух. Но вряд ли все это просто случайность.

Только стоило Эйдену шагнуть в сторону старухи, как та попятилась и резво шмыгнула в темную подворотню. С такой скоростью не каждый молодой шмыгнуть может. А в подворотне, конечно, уже никого, и след простыл.

Тихо. И вокруг никого.

Эйден заглянул, прошел вперед немного. Но только ничего нет, прятаться негде, стены домов, одна дверь есть, но заперта снаружи, замок висит… Подошел, подергал – действительно заперто. Узкое окно на уровне второго этажа. Если пройти дальше – высокий забор, старухе через такой точно не перепрыгнуть. Если, конечно, это старуха, в чем Эйден сомневался.

Если разбежаться, прыгнуть, то можно ухватиться за верхний край забора и немного подтянуться, заглянуть внутрь. Но там только пустой двор, сарай, бочка с водой, апельсиновое дерево в кадке… И вламываться без веских причин в чужой двор у наместника нет никакого желания. Он, все же, официальное лицо.

Тихо, только где-то залаяла собака.

Эйден огляделся еще немного и спрыгнул назад.

И вот тут едва не пропустил удар.

Старые инстинкты сработали, даже не на звук, вообще непонятно на что, на движение воздуха. Пригнуться, отскочить в сторону. И только потом обернуться.

Прямо перед ним – парень с ножом в руке. Совсем молодой, тощий, глаза сверкают масляным нехорошим блеском, и скалится парень дико, по-звериному.

У Эйдена тоже есть нож, и револьвер есть, но доставать долго, время потеряет. Надо переложить будет так, чтоб всегда под рукой.

Но и опыт у него тоже есть, ничего, с мальчишкой справится.

Приготовился.

Но ведь можно и поговорить?

– Что тебе нужно, – спросил громко.

Парень оскалился еще страшнее.

– Уб-бью! Т-тварь!

Ясно. Разговоров не будет.

Еще мгновение, и парень бросился вперед. Не очень умело, дергано. Эйден отклонился в сторону, перехватив руку за запястье, дернув на себя, развернув и выкрутив за спину, уложил парня на землю, лицом в грязь, коленом придавил.

Парень заверещал сдавленно и отчаянно. Дернулся. Но Эйден держал крепко.

Хотел было отобрать нож, но как-то засомневался, стоит ли руками такое трогать. На ноже может быть яд, может проклятие, только тронешь, и ты труп. Ударил сапогом парня по руке, заставляя разжать пальцы, выбил, отпихнул нож в сторону.

Парень только охнул.

– Кто тебя послал?

– Уб-бью…

И еще что-то зло и неразборчиво, попытался дернуться снова, но Эйден рывком придавил чуть сильнее. И тут вдруг парень отключился. Совсем, сознание потерял, руки обмякли.

– Твою ж мать! – буркнул Эйден.

Это страшно не нравилось.

Но не бросать же так. Вытащил ремень, скрутил парню руки. Тряхнул еще разок, перевернул на спину. Парень слабо дышал, но привести его в себя не получалось. И не похоже, чтобы отключился он от удара об землю – ни ссадин,

ни синяков, если и ударился, то не настолько сильно, чтобы молодому здоровому парню сознание терять. Магия?

Обшарил карманы, но ничего, никаких личных вещей, никаких денег, вообще ничего. Одежда на парне довольно чистая, рубашка недавно стиранная, хоть и старая, штаны заметно засалены на коленях, ботинки крепкие. Пальцы заметно загрубевшие от работы. Не бродяжка, не карманник, Эйден сказал бы – из мастеровых. Но ничего примечательного.

Нож только был…

Обычный нож, кухонный, небольшой, словно им недавно картошку чистили, а вот теперь решили так в дело пустить. Странно. Есть ли магия на ноже, сам Эйден, конечно, не определит, и рисковать не стоит. Он снял с себя сюртук, сложил в несколько слоев, поднял через него и замотал нож. Хотел было сунуть себе куда-нибудь под мышку, но подумал, заткнул сверток парню под ремень, он нож в руках держал, ему точно не повредит.

Самого его тоже тут не бросить.

На помощь звать некого, ночных патрулей здесь нет. Распорядиться, чтоб были? Сегодня уже все равно…

Эйден вздохнул тяжело, поднял, взвалил парня на плечо. Куда б его? Домой тащить далеко и не слишком разумно. Здесь до участка – всего через площадь, запереть там в камере, сдать дежурному, чтоб присмотрел, а потом уж попытаться найти врача, и, если очнется, поговорить.

Только почти наверняка не очнется. И поговорить не выйдет.

* * *

С врачом тоже не вышло.

Ночь на дворе, какие уж тут врачи? Дежурный в участке только один, оставлять свой пост, чтобы бежать и звать кого-то он не желал, и тут Эйден вполне мог его понять. Пост оставлять нельзя, приказ есть приказ.

Оставить парня до утра и ждать? А если до утра он не дотянет? Да и не врач, тут чутье подсказывает, скорее хороший маг нужен.

А штатных магов в Ирай Тохе нет.

Вообще никаких магов в подчинении наместника нет, а те, что просто с даром, ему не подчиняются, это обычные горожане, респектабельные, уважаемые. И опять же, далеко заполночь, а ночью никто не побежит осматривать непонятного бродягу, напавшего с кухонным ножом. Но до утра можно не дождаться.

Так ли это важно на самом деле?

Почему-то казалось, что важно. Времени у Эйдена нет, упускать такой шанс не хотелось.

Хотя все то же чутье говорило ему, что ничего он тут, даже с самым лучше магом не добьется. Парень просто дышать перестанет и ничего уже не сможет рассказать. Разве что некроманта искать… но это уже где-то за гранью. В Ритхане нет.

Оставался один последний шанс на мага и ответы.

Глава 8. О чужой магии и старых проклятиях

Тайра прислушалась.

Сквозь сон не сразу поняла, что происходит. Голоса внизу, кто-то спорит.

Что-то случилось? Кто-то хочет, чтобы его пустили… прямо сейчас. В такое время?

– Госпожа Орах! – громкий голос снизу. Он не кричит, просто зовет. Наместник.

Чтоб его…

И шиканье ее дворецкого, «госпожа спит, что вы кричите?!» Ворчание Марис.

Так что там у них?

Одеваться времени не было, поэтому Тайра просто накинула плотную шаль, спустилась.

Дворецкий и испуганная, взъерошенная горничная пытались выпихнуть наместника за дверь, но он стоял крепко и уходить не собирался. Не кричал, не устраивал скандалов, просто ждал, когда Тайра услышит и спустится.

– Что тут происходит? – спросила Тайра.

– Госпожа Орах, мне нужна ваша помощь, – наместник говорил спокойно, уверенно, словно не сомневаясь, что все будет как он хочет. – Вы не могли бы одеться и пройти со мной в полицейский участок?

Да он совсем спятил?

Тайра моргнула даже, потерла глаза, подумав на мгновение, что все это ей снится. Нет, наместник стоял перед ней. Без сюртука, между прочим, за ремень, поверх жилетки, заткнут револьвер, на правом манжете рубашки несколько капель крови.

– Что случилось? – спросила она.

Наместник вздохнул, облизал губы, понимая, очевидно, как все это дико выглядит.

– Недалеко от участка на меня напал парень с ножом, – сказал он. – Но стоило мне схватить парня за руку, уложить на землю, как он потерял сознание. И не приходит в себя. Он не похож на уличного карманника, и нож у него обычный кухонный, с такими не нападают. Я оттащил его в участок, но подозреваю, до утра он может не дожить. Мне нужен маг, хоть какой-то, я думаю, тут все дело в магии…

– Вы ударили его так сильно, что он потерял сознание, и теперь хотите, чтобы я привела его в чувства?

– В том-то и дело, что я его не бил. Я схватил и уложил его на землю, выкрутил руки. И головой он об землю не бился, просто упал, и даже вырывался еще. А потом я прижал чуть сильнее, и он отключился. От такого не лишаются чувств, здесь что-то не чисто.

Тайра подошла ближе, слугам велела идти, она разберется сама. Не утащит же господин наместник ее силой?

Не утащит – он головой мотнул, впрочем, как-то не слишком уверенно.

– У вас кровь на рубашке, – сказала она.

– А, это… – он посмотрел, дернулся было даже руки за спину спрятать, но потом расстегнул и немного закатал рукав, что бы скрыть. – Это моя… так, носом чуть пошла, видимо, с недосыпа. – Он нахмурился, глянул на нее. – Мне нужна ваша помощь, госпожа Орах. Прямо сейчас. Я не знаю, к кому мне обратиться еще. Но это может быть очень важно.

Очень даже может быть важно.

Кто-то послал к нему убийцу в первый же день? Вряд ли это случайность. Проклятие? Тоже слишком быстро, да и проклятие сработало бы иначе.

Он смотрел на нее, ждал.

На него напали, значит, он возвращался из участка? Не ложился еще сегодня?

Что-то происходит, и Тайра пока не понимает что.

– Хорошо, – сдалась она. – Подождите здесь, я оденусь.

Когда Тайра спустилась снова, он спал в кресле.

Это почти смешно.

Мелькнула даже мысль, что стоит оставить его здесь, не будить, и пойти спать самой. Но что если это важно на самом деле? Не только для него, для всех. Как бы Тайра ни относилась к имперским наместникам, но это ее город и она имеет право знать, что происходит.

– Господин Эйден! – окликнула она, тронула его за плечо. – Господин Эйден…

Прикосновение обожгло, и Тайра тряхнула сильнее, испугалась.

Он открыл глаза.

– Я заснул? – спросил тихо. – Простите.

Попытался даже встать, но Тайра не дала.

– Подождите. Сядьте. На вас магия. Не та, что из круга, другая. Сядьте, дайте я посмотрю.

– Магия? – удивился он.

– Да, я не заметила сразу… что-то есть. Сядьте ровно.

Прикосновение. Глазами она не увидела бы, но дотронувшись – поняла. Обошла кресло сзади, положила Эйдену руки на шею – на открытую кожу всегда удобнее, лучше контакт.

Что-то было… свежее. Но уже хорошо пустившее корни, агрессивное. Совсем не похожее на дикую магию круга. Странно, но это больше именно имперская магия, а не местная.

– На руке у вас, – сказала Тайра. – Дайте руку. Правую. Вот… ладонь…

Она обошла кресло, встала перед ним, взяла за запястье. К самой ладони прикоснуться не решилась, но это именно здесь. И Тайра никогда не была хорошим магом, это все так, мелочи… ей не приходилось иметь дело с таким. Почти никогда.

И здесь обожгло еще сильнее, и даже не магией, воспоминаниями. Но вспоминать такое не хотелось. Тогда Тайра помочь не смогла, сил не хватило.

Сейчас тоже не хватит.

Эйден ждал. Смотрел на нее внимательно, не говоря ничего.

– Так… – сказала Тайра, пытаясь собраться с мыслями. – Во-первых, это не наша магия, не местная. Я не очень хорошо могу понять, как это работает, но… Она активируется прикосновением. Думаю, вы дотронулись до чего-то, на ладони следы. Какой-то предмет, дверная ручка, может быть даже рука того парня, которого вы схватили. Я не вижу прямого действия этой магии на вас. Думаю даже, оно не на вас настроено… Но оно очень активно пробивается внутрь и… думаю, оно настроено так, чтобы разбудить то проклятие, которое уже есть в вас… то, что с детства, – Тайра все же сделала усилие над собой, и приложила свою ладонь к его ладони. – Эта магия опасна только для вас, потому что на мне такого проклятия не лежит, будить нечего.

Эйден попытался руку отдернуть, но она не дала.

– Подождите, – сказала Тайра. – Я попробую оттянуть его назад… Но, думаю, уже поздно.

Она видела даже в полутьме, как у наместника слегка побелели губы. Вдох-выдох, он тоже пытался справиться.

– И как скоро оно меня убьет? – почти ровно спросил он.

Тайра покачала головой. Она не знала. Закрыла глаза, стараясь чужую магию ухватить, но та ускользала, расползалась… уходила глубоко…

Поздно.

– Поздно. Оно уже достало проклятие, – сказала тихо, словно оправдываясь.

Испугалась, что сейчас наместник вскочит, начнет кричать, требовать избавить его от всего этого. «Ты ведь хойне! Ты можешь! Убери это! Убери!» – она помнила… Доннел, городской имперский врач… тогда, два года назад… такой спокойный, образованный, интеллигентный человек… она сказала ему, что он умрет, а он… у него была истерика, он не мог поверить.

Эйден смотрел на нее спокойно.

– Вы наверняка почувствовали, что закололо в груди, – сказала Тайра. – И кровь из носа – видимо, тоже от этого. Уже к утру, полагаю, эта магия рассосется без следа. Утром я бы уже ничего не увидела. Но проклятие останется. Как быстро старое проклятие развернется в полную силу, я сказать не могу.

Эйден кивнул, сглотнул с усилием, втянул носом воздух.

– Хорошо, я понял, – сказал он. – Значит, для других это не опасно?

– Не опасно, – Тайра хотела еще объяснить, но губы дрогнули и голос дрогнул тоже. Больше не стала.

Эйден снова кивнул.

– Сходите со мной в участок сейчас? – спросил он.

Даже попытался подняться, но Тайра все еще держала его за руку.

– Подождите… – попыталась она. – Вы же понимаете, что это значит?

– Понимаю, – сказал он. – Я ожидал чего-то такого, когда ехал сюда. Правда, думал, что у меня будет больше времени. Но проклятие не убивает мгновенно, я помню. Поэтому время у меня еще есть. И в моих интересах разобраться с этим делом как можно скорее.

– Вы надеетесь, что проклятие можно снять? – это звучало почти безумно, и, в то же время, последней надеждой.

– Терять, полагаю, мне уже нечего. Глянете на того парня? Тот, кто его послал, ведет интересную игру.

* * *

Тайра шла рядом с ним, стараясь не отставать, слушая, как он рассказывает, объясняет ей, но слова гудели в голове, смысл ускользал все время.

Началось.

Все это началось снова, спокойное время закончилось, и никуда уже не деться. Завертелось.

И Тайра вдруг оказалась втянута по самые уши. Может быть, еще не поздно сбежать, забыть… но как сбежать? А ведь, казалось бы, сейчас это не имеет отношения к ней. Она просто жила спокойно, занималась простыми городскими делами… и то, только теми делами, которыми ей позволяли заниматься, не лезла никуда… больницы, дороги, благотворительная ярмарка, открытие нового фонтана на площади, библиотека, дела гильдии, не менее мирные…

И вот вдруг все это. Черный круг. Проклятие, которое оживает под твоими руками.

Нужно было уехать раньше, купить маленький домик в горах, как она хотела. Забыть.

– Почему я? – кажется, Тайра сказала это вслух. Запнулась. Поняла, что Эйден говорил ей о чем-то, а она не слушала. – Простите. Я…

– Ничего, – сказал он. – Вы не виноваты. Вам страшно?

– Да, – скрывать это казалось глупо. – А вам – нет?

– Меня учили, что нельзя бояться, – сказал Эйден. – Проклятие питается ненавистью и страхом. Чем больше ты боишься, тем сильнее проклятие действует на тебя.

– Но разве можно не бояться?

Он улыбнулся немного снисходительно.

– Совсем не бояться, конечно, нельзя. Никто не может, поэтому, рано или поздно, проклятие все равно берет верх. Но можно выиграть немного времени.

Нельзя… нет, ничего не выйдет. Тайра хотела сказать, но не нашла в себе силы, только шевельнулись губы. Пусть. Если он верит в это, то пусть верит.

– Вы что-то говорили? – сказала она. – Простите, я отвлеклась.

Он качнул головой.

– Ничего такого, – и улыбнулся снова. – Я вытащил вас из постели посреди ночи… У вас суровая экономка. Хотела огреть меня веником за такие дела.

– Марис? – Тайра чуть смутилась. – В кружевном чепце? Это горничная, а не экономка. Не сердитесь на нее, она просто не любит поздних гостей, она…

– Был неприятный опыт?

– Был, – согласилась Тайра, объяснять не хотелось. Когда люди наместника Реттрея пришли за Каро посреди ночи, вот так же увели. Все это пробирало до озноба.

– Ничего, – сказал наместник. – Она молодец. Защищает вас.

Престарелая горничная с веником. Больше Тайру некому защищать. То есть, наверно есть, она может найти людей в охрану, но…

– А почему вы без охраны? – спросила Тайра. – Вы ведь знали, что Боргена убили, а сами ходите так… беспечно. И вот, в первый же день напали на вас.

Эйден пожал плечами, чуть пожевал губу.

– Охрана не защитит. Ну, взял бы я с собой пару гвардейцев, и что бы они сделали? Не дали бы парню с ножом убить меня? Это я и сам могу. Защитили бы от магии? Да нет, только сами бы подставились без всякой пользы. Здесь нужен хороший маг, а хороших магов в империи, как ни прискорбно, не хватает. А я не люблю, когда под ногами мешаются лишние люди. Вроде бы они тебя защищать должны, а в итоге ты их через весь город на себе таскаешь, врачей им ищешь… да, ну…

Он устало отмахнулся. Видимо, неприятный опыт тоже был.

– Я про бабку рассказывал, – сказал только. – Я когда вышел из бара, она на меня показывала и кричала, что проклинает. Старая, седая, в каких-то лохмотьях, слегка театрально… Но стоило мне шагнуть к ней, как она метнулась назад, между домами, и пропала. Там негде прятаться, я смотрел. Совсем негде. Но она пропала. А потом этот, с ножом…

Немного растерянно. Да, странно звучало.

– Бабка в лохмотьях… – Тайра пыталась понять, видела ли когда-нибудь тут кого-то похожего. Но ведь не видела никогда. Нищие, конечно, в Ирай Тохе были, но это как-то слишком. – А вы уверены, господин Эйден, что вам это не показалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bakulina_ekaterina/zhizn-i-smert-namestnika-rithana

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити